

К ВОПРОСУ О ВЗАИМОДЕЙСТВИИ ДИСКУРСА И ЖАНРА (НА ПРИМЕРЕ СКАЗОЧНОГО ДИСКУРСА)

© 2015

О.А. Плахова, доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры «Теория и методика преподавания иностранных языков и культур»
Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

Ключевые слова: дискурс; сказочный дискурс; текст; жанр; жанровая универсалия; жанрообразующая категория дискурса; фольклор; фольклорный жанр.

Аннотация: В рамках настоящей публикации исследуется характер взаимодействия дискурса и жанра, устанавливаются тождественные тенденции в развитии дискурса и жанра, осуществляется характеристика жанра как значимого атрибута дискурса.

Современные подходы к изучению дискурса активно используются отечественными лингвистами для определения границ сказочного дискурса и выявления его конститутивных признаков. Принадлежа к области фикционального дискурса, сказочный дискурс не может быть полностью отождествлен с фантастическим дискурсом.

Сопоставительный анализ содержания понятия «жанр» в дискурсивных и фольклорных исследованиях позволяет выявить устойчивую корреляцию жанровых особенностей текста с жанровыми характеристиками соответствующего дискурса и снимает искусственное противопоставление дискурсивного и фольклорного жанров по признаку *динамичности – статичности*. В отношении англоязычного сказочного дискурса наиболее важным жанрово-различительным параметром и конституентом сказочности становится *чудо/чудесное*.

Англоязычный сказочный дискурс обладает полевой структурой. Его ядро формируется народной сказкой в ее жанровых разновидностях, периферия образована несказочными жанрами – быличками, легендами, преданиями. Обращение к жанрово-стилистическим и структурно-содержательным признакам сказочного дискурса позволяет определить дискурс как явление более высокого порядка, допускающее включение в свой состав разножанровых текстовых произведений, общие характеристики которых формируются параметрами жанрообразующей категории объединяющего их дискурса.

Дискурс является важнейшим объектом лингвистических исследований с позиций разных подходов (социолингвистики, прагмалингвистики, лингвистики речи, когнитивной лингвистики). Тем не менее отмечается некоторая размытость понятия «дискурс», поскольку трактовки его содержания многочисленны и разнообразны. Дж. Шерзер считает его трудным для формулировки понятием (*an elusive area*), которое может быть в равной степени отнесено и к устной, и к письменной коммуникации; к текстам разной протяженности, рассматриваемым как в рамках лингвистики текста, так и с привлечением социокультурных факторов и факторов социального взаимодействия (*sociocultural and socio-interactive*) [1, с. 22]. Не разграничивает понятия текста и дискурса М. Стаббс, подчеркивая неоднозначность толкования соответствующих терминов (*ambiguous and confusing*) и условно выделяя в качестве отличительных признаков форму осуществления коммуникации («*written text*» versus «*spoken discourse*») и протяженность речевого отрезка [2, с. 4]. Варьирование объема содержания понятия «дискурс» наглядно представлено в работе Дж.П. Джи, который дифференцирует дискурс в узком понимании («*discourse*» with a «*little d*»; «*little d*» *discourse*) как ситуативное использование языка (*language-in-use*) и собственно дискурс («*Discourse*» with a «*big D*»; «*big D*» *Discourse*), включающий в себя невербальный компонент [3, с. 7, 26].

Социокультурный контекст становится непеременимым условием изучения употребления языка в различных сферах общения. Классическим считается определение дискурса Н.Д. Арутюновой, трактующее дискурс через призму социокультурного и ситуационного аспектов. Исследователь отмечает событийный аспект

текста, его «погруженность в жизнь» и связь с экстралингвистическими факторами как необходимые требования к существованию дискурса [4, с. 136, 137]. Характеризуя реальное измерение дискурса, Е.И. Шейгал подчеркивает наличие у него признака процессности, поскольку текущая речевая деятельность связана с реальной жизнью и реальным временем [5, с. 10, 11].

В рамках коммуникативно-дискурсивного подхода потребовалась дальнейшая конкретизация понятия дискурса не только как социально детерминированного речевого процесса, но и как «общепринятого типа речевого поведения субъекта» [6, с. 28]. Справедливо утверждение Е.С. Кубряковой о том, что дискурс – это также «действие говорящего со всеми его интенциями, знаниями, установками, личностным опытом и всей его погруженностью в совершаемый им когнитивно-коммуникативный процесс» [7, с. 15]. На передний план выходит прагматика дискурса, характеризующая способы выражения интенций и установок коммуникантов [8, с. 191]. Отечественные и зарубежные исследователи единодушно признают необходимость тщательного изучения таких элементов социального контекста дискурса, как коммуникативные и социальные роли партнеров по коммуникации, цели коммуникации, нормы и ценности, принятые в обществе, виды общения и тип общественных отношений [8, с. 200; 9, с. 571–606; 10, с. 63]. Положение участников коммуникации и тип социальных отношений позволяют противопоставить статусно-ориентированный и личностно ориентированный дискурсы, первый из которых может носить институциональный и неинституциональный (ситуативно-ролевой) характер, а второй – бытовой и бытийный [8, с. 199].

Социокогнитивный подход к изучению дискурса Т.А. ван Дейка акцентирует внимание на особых когнитивных структурах, определяющих содержание и форму высказывания и являющихся связующим звеном между социальной и дискурсивной практиками [11, с. 103, 104; 12, с. 91]. Структуры знаний, детерминируя семантику отдельных дискурсов, формируют в сознании носителей отдельной лингвокультуры тип дискурса как когнитивное образование – «обобщенное представление о тексте, концепт текста». В этой связи целесообразно уподобить дискурс прототипу, гештальту, когнитивному образованию, сопоставимому с ментальными образованиями, репрезентирующими предметы и события [8, с. 191, 205]. При этом дискурс получает материальное оформление в некотором множестве текстов, обладающих тематическим единством, общими формально-структурными и лингвостилистическими характеристиками, единством прагматической направленности. Таким образом, каждый отдельно взятый текст является формальным воплощением дискурса, а дискурс, в свою очередь, представлен «интегративной совокупностью текстов, обращенных к одной общей теме и функционирующих в пределах одной и той же коммуникативной сферы» [13, с. 232].

Одним из видов бытийного дискурса является сказочный дискурс. Анализ дефиниций позволяет выявить расставленные отечественными исследователями акценты на процессуальном и результативном аспектах или их взаимодействии. Важнейшими характеристиками сказочного дискурса видятся также его когнитивно-коммуникативная природа и детерминированное культурой семиотическое пространство, обслуживающее определенную коммуникативную сферу [14–18].

Прагматическое исследование сказочного дискурса сделало возможным описание его универсальных конститутивных признаков, к которым отнесены цель, ситуация общения, канал и тональность общения, участники и используемые для реализации категории сказочности стратегии [18, с. 29].

Помимо конститутивных категорий дискурса, получивших более широкую интерпретацию как признаков отличия текста от нетекста, традиционно выделяются: 1) жанрово-стилистические категории, указывающие на соответствие текстов функциональным разновидностям речи; 2) содержательные (семантико-прагматические) категории, отвечающие за раскрытие смысла текста; 3) формально-структурные категории, определяющие характер организации текста [8, с. 201].

Особую важность приобретают жанрово-стилистические категории для определения границ дискурсов разных типов. В частности, Ж. Женнет указывает на атрибуцию жанра как обязательный критерий фикционального дискурса. М. Риффатер называет жанровую принадлежность в качестве единственной причины, отличающей «истину вымысла» от вымышленной истины, или лжи [19]. Фикциональный дискурс в отличие от фактуального дискурса обладает свойством художественной репрезентации действительности, в основе которого лежит способность человека к вымыслу.

О.Н. Гронская отождествляет фикциональный дискурс с художественным дискурсом: «Фикциональный – это значит *художественный*, *изображенный*, *литературный*, т. е. не принадлежащий непосредственно к ре-

альной коммуникации, к реальной жизни дискурс» (курсив мой – О. П.). В его основе лежит художественный вымысел как «инструмент познания действительности, способ создания художественных образов, через которые в изображенной коммуникации познается мир» [20, с. 243, 244]. Функции вымысла, тем не менее, гораздо шире, что позволяет выделить, помимо художественного (эстетического), манипулятивный и эвристический виды вымысла [21, с. 72–130], последний из которых активно участвует в формировании формальной разновидности фикционального дискурса. Данный факт свидетельствует в пользу разграничения художественного и фикционального дискурсов. Целесообразно, на наш взгляд, говорить либо о частичном наложении их понятийного содержания, либо, что более вероятно, о полном включении художественного дискурса в дискурс фикциональный.

В зависимости от средств достижения правдоподобия фикции принято говорить о реалистическом (или правдоподобном), формальном и фантастическом (или фигуральном) типах фикционального дискурса. В реалистическом типе признаки правдоподобия реализуются через имитацию и подражание (мимезис). Эффект подлинности формального типа фикционального дискурса достигается формально-логическими средствами (например, в математических или феноменологических рассуждениях). В фантастическом типе вообще не ставится цель достижения правдоподобия, поскольку акцент переносится на конструирование несуществующего мира [19; 22, с. 146; 23].

Сказочный дискурс есть разновидность фикционального дискурса, поскольку одним из его конститутивных признаков является установка на вымысел. Несмотря на то что сказка – повествование о вымышленных событиях, нельзя полностью отождествлять фантастический и сказочный дискурсы в силу того, что в основе фантастического дискурса лежит художественный вымысел, обусловленный индивидуально-авторским замыслом и мировидением. Базисом сказочного дискурса выступает система архаических представлений о законах развития и взаимодействия макро- и микрокосма, носителем и выразителем которых является языковой коллектив. Данное отличие не умаляет, тем не менее, значимость жанрово-стилистических категорий для определения границ сказочного дискурса, по отношению к которому в полной мере справедливы приведенные выше высказывания Ж. Женнета и М. Риффатера. Данным фактом и определяется необходимость рассмотрения сущности понятия «жанр» и основных критериев жанровой принадлежности произведений народного творчества.

Жанр единодушно признается отечественными и зарубежными лингвистами значимым дискурсивным атрибутом (cf. genre as a «distinct category of discourse of any type, spoken or written» [24, с. 329]), однако его трактовка существенно отличается от традиционных определений жанра в работах исследователей народного творчества. В дискурсивных исследованиях жанр как коммуникативно обусловленная характеристика дискурса («communicative turn» in genre theory) противопоставляется статическим жанрам устного народного творчества [25, с. 307]. Жанр определяется как типизированные вербальные действия, в основе которых лежат

повторяющиеся ситуации (typified rhetorical actions based in recurrent situations) [26, с. 159]; как сложные исторически и культурообусловленные модели решения повторяющихся коммуникативных задач (historically and culturally specific, prepatterned and complex solutions to recurrent communicative problems) [27, с. 8]; как социально сконструированные модели управления типичными коммуникативными ситуациями (socially constructed models for handling recurrent communicative problems) [28, с. 191].

Приведенные определения отражают двойственную природу жанра, соотносимую с двойственной природой самого дискурса: включенность жанра в процесс коммуникации и существование жанра в виде когнитивной структуры – модели (типа) жанра. Признание обеих форм экзистенции жанра манифестировано в разработанных в отечественной лингвистике: коммуникативно детерминированной модели жанра (Т.В. Шмелева); жанровом каноне как «стереотипе порождения и восприятия речи в специфически повторяющихся обстоятельствах» [8, с. 205]; когнитивной модели жанра народного творчества (Ю.А. Эмер), инструментом описания которой видится концепт во фреймовом представлении [29].

Поскольку дискурс находит формальное проявление в совокупности текстов (в том числе письменных), принадлежащих к тождественным тематическим и прагматическим сферам, они становятся объектом исследования, позволяющим раскрыть существенные характеристики стоящего за ними дискурса. Следовательно, жанровые особенности текстов корреспондируют с жанровыми характеристиками соответствующего дискурса. Данная корреляция действительна и в отношении текстов народной словесности разных жанров (и в частности, текстов народной сказки). Она делает возможным обращение к хорошо разработанной концепции жанра в отечественной фольклористике и снимает искусственное, на наш взгляд, противопоставление жанра, вплетенного в коммуникацию, фольклорному жанру по признаку «динамичности/статичности», поскольку последнему в равной степени свойственно развитие, изменение и взаимодействие.

Традиционно жанр устного народного творчества понимается как совокупность текстов, объединенных художественным содержанием, поэтической системой, функциями, особенностями исполнения, связями с невербальными художественными формами [30, с. 155]. В данной дефиниции перечислены основные критерии жанровой классификации, сформулированные впервые В.Я. Проппом, – общность структурных особенностей и поэтической системы, бытового назначения, форм исполнения, музыкального строя [31, с. 172–186]. В истории фольклористики наблюдалась постепенная смена доминант, сопровождающаяся переходом от изучения собственно структурных, формальных характеристик народного произведения как ведущего жанрового признака к исследованию содержательной стороны произведения, его «идейно-художественного строя» [32; 33, с. 148, 149]. Жанр начинает пониматься в единстве его содержательных и структурных составляющих как «тип внутренней образно-структурной и композиционно-поэтической организации» [34, с. 97].

Следовательно, жанровая принадлежность народно-произведения детерминируется не одним, а набором

жанрообразующих признаков, значимость которых для разных текстов неоднородна, что заставляет, по мнению Б.Н. Путилова, разграничивать компоненты жанрово определяющие и жанрово сопутствующие [30, с. 156]. Более того, отмечается относительность, обобщенность, условность самого факта жанрового членения [35, с. 64; 36, с. 18], поскольку угол рассмотрения текста будет определять жанр, к которому анализируемый текст относится («the genre into which we place an item depends on which elements we emphasize when we analyze it»). Сам факт жанровой дифференциации народных произведений можно также рассматривать как средство осуществления аналитической деятельности исследователя. В данном случае уместно привести высказывание И.А. Голованова о том, что дифференциация жанров устного народного творчества «существует лишь в сознании ученого-фольклориста, который целенаправленно стремится разграничить анализируемые явления, чтобы потом синтезировать на этой основе новое знание» [37, с. 17].

С течением времени жанр начинает рассматриваться через призму стоящих за конкретными текстовыми реализациями структур знаний, коллективно выработанных систем представлений о социуме, природном мире, человеке. Жанр видится формой хранения социального опыта [38, с. 455]; видом и моделью художественного отражения реальности, типом осознания действительности, мыслительными фигурами и структурными моделями, содержащими «типологически постигаемый художниками жизненный материал» [34, с. 11–112]. С другой стороны, по мнению И.И. Земцовского, «порождающая модель каждого жанра "работает" в сознании певцов не в одном абстрактном виде, а в виде множества разнотипных "ипостасей"» [35, с. 63]. В.П. Аникин называет жанры «конкретными воплощениями», «конкретными реализациями» разных способов художественного мышления (эпоса, лирики, драмы) [34, с. 112]. Это свидетельствует о том, что фольклорный жанр есть диалектическое единство ментальной модели и ее множественного конкретного художественного воплощения.

Жанрообразующие признаки обобщаются в универсалиях как совокупности «достаточно постоянных и обязательных принципов, правил, установок, действующих во всех сферах жанровой эстетики, грамматики, семантики, содержания, исполнения» [30, с. 164]. Применительно к волшебной сказке жанровой универсалией является сказочная идея.

В ходе лингвосемиотического изучения сказочного дискурса Н.А. Акименко на основании второстепенных признаков сказочного дискурса (эпичности, повествовательности, установки на вымысел, чуда/несбыточности, эстетичности и развлекательности) выделяет в качестве жанрообразующего признака категорию сказочности и характеризует специфические для нее параметры: чудо, аксиологичность, размытый хронотоп, структурную и семантическую итеративность [18, с. 39–42]. Особый интерес вызывает признак чуда/несбыточности, который, будучи одним из конститутивных признаков сказочного дискурса, входит в качестве составного элемента в категорию сказочности как жанровой универсалии и, следовательно, во многом обуславливает специфику сказочного дискурса. Особую роль

он играет и в отношении английской народной сказки, являясь по сути единственным релевантным жанроразличительным параметром, вследствие усиления в сказке установки на достоверное изложение событий и хронологической определенности в традиционных сказочных формулах [39–42].

Взаимодействие конститутивных признаков сказочного дискурса позволяет выделить его ядерные и периферийные жанры в соответствии с реализацией в них категории сказочности [18, с. 44], что и представлено наглядно в виде полевой структуры, ядро которой составляют анималистские, волшебные и бытовые сказки, а периферию – несказочные жанры.

Таким образом, дискурс как явление более высокого порядка допускает включение в свой состав разножанровых текстовых произведений, общие характеристики которых формируются параметрами жанрообразующей категории объединяющего их дискурса.

Диахроническое изучение жанров выявляет разную степень проницаемости жанров или их герметичности [43; 44]. Н.А. Криничная аргументировала наличие в преданиях мотивов, присущих былинке, сказке, быличке, первоначальным синкретизмом протозпических форм, их происхождением из одного источника. По мнению И.А. Голованова, «нерасчлененность форм» устного народного творчества недостаточно объяснять только его «генетикой»; гораздо более важным фактором являются особенности его бытования, поскольку его мотивы, сюжеты и образы существуют в национальном сознании в нерасчленном виде [37, с. 17].

Синкретизм как следствие бытования произведений устного народного творчества в нерасчленном виде в сознании его носителей не препятствует общей тенденции жанров к изменению, взаимодействию (комбинации) с образованием промежуточных форм (иногда «сложных конгломератов»), переходу в новое жанровое образование [32, с. 92; 45, с. 36–39; 46, с. 116, 117; 47, с. 66]. Развитие дискурса происходит в тождественном направлении, поскольку для него, по мнению Дж.П. Джи, характерны два основных разновекторных процесса: расщепление на два или более дискурса и объединение, слияние двух или более дискурсов в один («discourses can split into two or more discourses»; «two or more discourses can meld together») [3, с. 30].

Жанры также подвержены влиянию социокультурных факторов, что ясно просматривается в цитируемой выше дефиниции жанра С. Гюнтнер и Г. Кноблауха [27, с. 8]. Репертуар жанров может варьироваться в разных культурах и в разные исторические периоды, хотя исследователями и не отрицается факт существования универсальных жанров, как и жанров, имеющих в разных культурах черты сходства [28; 48].

Таким образом, жанр является одним из значимых атрибутов дискурса, способствующий определению его границ. Дискурс, как явление более высокого порядка, допускает включение в свой состав разножанровых текстовых произведений, общие характеристики которых формируются параметрами жанрообразующей категории объединяющего их дискурса. Отмечается тождественность в развитии дискурса и жанра: каждый из них подвержен влиянию социокультурных факторов; и дискурсы, и жанры имеют тенденцию к взаимодействию с образованием новых форм.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Sherzer J. A Discourse-Centered Approach to Language and Culture // *Discourse Studies*. Vol. 5 / ed. by Teun A. van Dijk. London: SAGE Publications, 2008. P. 21–38.
2. Stubbs M.W. *Text and Corpus Analysis*. Oxford: Blackwell, 1996. 267 p.
3. Gee J.P. *An Introduction to Discourse Analysis: Theory and Practice*. London: Routledge Taylor and Francis Group, 2005. 209 p.
4. Языкознание: Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Большая Российская энциклопедия, 2000. 688 с.
5. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2000. 31 с.
6. Манаенко Г.Н. Когнитивные основания информационно-дискурсивного подхода к анализу языковых выражений и текста // *Язык. Текст. Дискурс*. 2005. № 3. С. 21–32.
7. Кубрякова Е.С. Словообразование и другие сферы языковой системы в структуре номинативного акта // *Словообразование в его отношениях к другим сферам языка*. Innsbruck, 2000. С. 13–26.
8. Карасик В.И. *Языковой круг: личность, концепты, дискурс*. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
9. Habermas J. *Erläuterungen zum Begriff des kommunikativen Handelns // Vorstudien und Ergänzungen zur Theorie des kommunikativen Handelns*. 3. Aufl. Frankfurt a. M.: Suhrkamp Verl., 1989. S. 571–606.
10. Barker Ch., Galasinski D. *Cultural Studies and Discourse Analysis: A Dialogue on Language and Identity*. London: SAGE Publications, 2001. 192 p.
11. Дейк Т.А. ван. *Язык. Познание. Коммуникация*. Благовещенск: БГК им. И.А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. 308 с.
12. Jorgensen M., Phillips L.J. *Discourse Analysis as Theory and Method*. London: SAGE Publications, 2002. 229 p.
13. Чернявская В.Е. От анализа текста к анализу дискурса // *Текст и дискурс: традиционный и когнитивно-функциональный аспекты исследования*. Рязань, 2002. С. 230–232.
14. Путий Е.С. Полидискурсивность концепт-идеи «состояние человека»: опыт экспансивного анализа // *Вісник ХНУ. Романо-германська філологія*. 2009. № 58. С. 43–47.
15. Мамонова Ю.В. Когнитивно-дискурсивные особенности лексики английской бытовой сказки : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2004. 21 с.
16. Соборная И.С. Этнокультурные особенности сказочного дискурса: лингвориторический аспект (на материале русских, польских и немецких сказок) : дис. канд. ... филол. наук. Сочи, 2004. 154 с.
17. Тананыхина А.О. Лингвостилистические особенности современной англоязычной литературной сказки : автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2007. 23 с.
18. Акименко Н.А. Лингвокультурные характеристики англоязычного сказочного дискурса : дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2005. 193 с.
19. Шилков Ю.М. О природе фикционального дискурса // *Я. (А. Слинин) и МЫ*. Вып. 10. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2002. С. 606–632.

20. Гронская О.Н. Субъект в фантастическом дискурсе, или ситуация «Алиса в Стране Чудес» // Вестник ИНЖЭКОНа. Серия: Гуманитарные науки. 2009. № 4. С. 241–249.
21. Ильинова Е.Ю. Вымысел в языковом сознании и тексте. Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2008. 513 с.
22. Lombardo M. Myth Defined and Undefined // *Applied Semiotics / Sémiotique appliquée*. 2003. № 13. P. 142–152.
23. Черкасов Р.В. Фикциональный дискурс в литературе: проблема репрезентации : дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2007. 169 с.
24. Berman R.A. Genre and Modality in Developing Discourse Abilities // *Discourse Across Languages and Cultures* / ed. by C.L. Moder, A. Martinovic-Zic. Amsterdam: John Benjamins Publishing Co., 2004. P. 329–356.
25. Kotthoff H. Oral Genres of Humour: On the Dialectic of Genre Knowledge and Creative Authoring // *Discourse Studies*. Vol. 3 / ed. by Teun A. van Dijk. London: SAGE Publications, 2008. P. 306–336.
26. Miller C.R. Genre as Social Action // *Quarterly Journal of Speech*. 1984. Vol. 70. P. 151–167.
27. Günthner S., Knoblauch H. Culturally Patterned Speaking Practices: The Analysis of Communicative Genres // *Pragmatics*. 1995. Vol. 5. P. 1–32.
28. Mayes P. Genre as a Locus of Social Structure and Cultural Ideology // *Discourse Across Languages and Cultures* / ed. by C.L. Moder, A. Martinovic-Zic. Amsterdam: John Benjamins Publishing Co., 2004. P. 177–194.
29. Эмер Ю.А. Фольклорный жанр (к проблеме лингвокогнитивного моделирования) // Вопросы когнитивной лингвистики. 2009. № 2. С. 107–116.
30. Путилов Б.Н. Фольклор и народная культура. СПб.: Наука, 1994. 328 с.
31. Пропп В.Я. О фольклоре и фольклористике // Фольклор. Литература. История. М.: Лабиринт, 2002. С. 172–188.
32. Пропп В.Я. Морфология волшебной сказки. М.: Лабиринт, 2003. 144 с.
33. Тудоровская Е.А. О структуре волшебной сказки // Русская народная проза. Русский фольклор. Т. 13. Л.: Наука, 1972. С. 148–159.
34. Аникин В.П. Теория фольклора. 2-е изд. М.: КДУ, 2004. 432 с.
35. Земцовский И.И. К теории жанра в фольклоре // Советская музыка. 1983. № 4. С. 61–65.
36. Sims M.C., Stephens M. Living Folklore: An Introduction to the Study of People and their Traditions. Logan: Utah State University Press, 2005. 296 p.
37. Голованов И.А. Константы фольклорного сознания в устной народной прозе Урала (XX–XXI вв.) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2010. 45 с.
38. Бирюкова О.И. Жанр как основополагающая категория формирования литературного процесса (к вопросу о становлении жанра рассказа в финно-угорских литературах Среднего Поволжья в начале XX века) // Известия Самарского научного центра РАН. 2009. Т. 11. № 4-2. С. 454–458.
39. Плахова О.А. Особенности преломления категории сказочности в англоязычном сказочном дискурсе // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2012. Т. 12. № 2. С. 40–44.
40. Плахова О.А. Своеобразие финальных формул английской народной сказки // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2011. № 4. С. 61–66.
41. Плахова О.А. Своеобразие инициальных формул английской народной сказки // Филология и человек. 2013. № 1. С. 95–105.
42. Плахова О.А. Национально-культурная обусловленность жанрового своеобразия английской фольклорной сказки // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева. 2014. № 4. С. 53–62.
43. Чистов К.В. Народные традиции и фольклор. Л.: Наука, 1986. 304 с.
44. Аппатова В.С. Атрибутика персонажей британской народной волшебной сказки: (семасиологическое исследование) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Одесса, 1990. 16 с.
45. Кравцов Н.И. Славянский фольклор. М.: Изд-во МГУ, 1976. 262 с.
46. Бараг Л.Г. Состояние восточнославянской устной сказочной традиции и современные народные сказочники // Традиции и современность в фольклоре. М.: Наука, 1988. С. 113–135.
47. Fairclough N. *Analysing Discourse*. London: Routledge Taylor and Francis Group, 2003. 270 p.
48. Bergmann J.R., Luckmann T. *Reconstructive Genres of Everyday Communication // Aspects of Oral Communication* / ed. by Uta Quasthoff. Berlin: Mouton de Gruyter, 1994. P. 1–30.

REFERENCES

1. Sherzer J. A Discourse-Centered Approach to Language and Culture. Teun A. van Dijk, ed. *Discourse Studies*. London: SAGE Publications, 2008, vol. 5, pp. 21–38.
2. Stubbs M.W. *Text and Corpus Analysis*. Oxford, Blackwell, 1996, 267 p.
3. Gee J.P. *An Introduction to Discourse Analysis: Theory and Practice*. London, Routledge Taylor and Francis Group, 2005, 209 p.
4. Yartseva V.N., ed. *Yazykoznanie: Bolshoy entsiklopedicheskiy slovar* [Linguistics: Great encyclopedic dictionary]. Moscow, Bolshaya Rossiyskaya entsiklopediya Publ., 2000, 688 p.
5. Sheygal E.I. *Semiotika politicheskogo diskursa*. Avtoref. diss. dokt. filol. nauk [Semiotics of political discourse]. Volgograd, 2000, 31 p.
6. Manaenko G.N. Cognitive foundations of informative-discursive approach to the analysis of language expressions and text. *Yazyk. Tekst. Diskurs*, 2005, no. 3, pp. 21–32.
7. Kubrykova E.S. Word-formation and other spheres of the language system in the nominative act structure. *Slovoobrazovanie v ego otnosheniyakh k drugim sferam yazyka*. Innsbruck, 2000, pp. 13–26.
8. Karasik V.I. *Yzykovoy krug: lichnost, kontsepty, diskurs* [Language circle: personality, concepts, discourse]. Volgograd, Peremena Publ., 2002, 477 p.
9. Habermas J. Erläuterungen zum Begriff des kommunikativen Handelns. *Vorstudien und Ergänzungen zur Theorie des kommunikativen Handelns*. 3. Aufl. Frankfurt a. M., Suhrkamp Verl., 1989, s. 571–606.

10. Barker Ch., Galasinski D. *Cultural Studies and Discourse Analysis: A Dialogue on Language and Identity*. London, SAGE Publications, 2001, 192 p.
11. Deyk T.A. van. *Yazyk. Poznanie. Kommunikatsiya* [Language. Cognition. Communication]. Blagoveshchensk, BGK im. I.A. Boduena de Kurtene Publ., 2000, 308 p.
12. Jorgensen M., Phillips L.J. *Discourse Analysis as Theory and Method*. London, SAGE Publications, 2002, 229 p.
13. Chernyavskaya V.E. from text analysis to discourse analysis. *Tekst i diskurs: traditsionniy i kognitivno-funktionalniy aspekty issledovaniya*. Ryazan, 2002, pp. 230–232.
14. Pitiy E.S. Polydiscursiveness of the “individual state” concept-idea: the experience of expansive analysis. *Vestnik KhNU. Romano-germanskaya filologiya*, 2009, no. 58, pp. 43–47.
15. Mamonova Yu.V. *Kognitivno-diskursivnye osobennosti leksiki angliyskoy bytovoy skazki*. Avtoref. diss. kand. filol. nauk [Cognitive-discursive peculiarities of the English social fairy tale vocabulary]. Moscow, 2004, 21 p.
16. Sobornaya I.S. *Etimologicheskiye osobennosti skazochnogo diskursa: lingvokulturnyy aspekt (na materiale russkikh, polskikh i nemetskikh skazok)*. Diss. kand. filol. nauk [Ethno-cultural peculiarities of fantasy discourse: linguo-rhetorical aspect (on the material of Russian, Polish and German fairy tales)]. Sochi, 2004, 154 p.
17. Tananykhina A.O. *Lingvisticheskiye osobennosti sovremennoy literaturnoy skazki*. Avtoref. diss. kand. filol. nauk [Linguo-stylistic peculiarities of modern English language literary fairy tale]. S. Petersburg, 2007, 23 p.
18. Akimenko N.A. *Lingvokulturnyye kharakteristiki angloyazychnogo skazochnogo diskursa*. Diss. kand. filol. nauk [Linguo-cultural characteristics of the English language fairy tale discourse]. Volgograd, 2005, 193 p.
19. Shilkov Yu.M. About the fiction discourse nature. *Ya. (A. Slinin) i MY*. S. Petersburg, Sankt-Peterburgskoe filosofskoe obshchestvo Publ., 2002, vyp. 10, pp. 606–632.
20. Granskaya O.N. Subject in fantastic discourse, or the “Alice’s Adventures in Wonderland” situation. *Vestnik INZhEKONa. Seriya Gumanitarnyye nauki*, 2009, no. 4, pp. 241–249.
21. Ilyinova E.Yu. *Vymysel v yazykovom soznanii i tekste* [Invention in language sense and text]. Volgograd, Volgogradskoe nauchnoye izdatelstvo Publ., 2008, 513 p.
22. Lombardo M. Myth Defined and Undefined. *Applied Semiotics / Sémiotique appliquée*, 2003, no. 13, pp. 142–152.
23. Cherkasov R.V. *Fiktionalniy diskurs v literature: problema reprezentatsii*. Diss. kand. filol. nauk [Fiction discourse in literature: representation problem]. Samara, 2007, 169 p.
24. Berman R.A. Genre and Modality in Developing Discourse Abilities. Moder C.L., Martinovic-Zic A., eds. *Discourse Across Languages and Cultures*. Amsterdam, John Benjamins Publishing Co., 2004, pp. 329–356.
25. Kotthoff H. Oral Genres of Humour: On the Dialectic of Genre Knowledge and Creative Authoring. Teun A. van Dijk, ed. *Discourse Studies*. London, SAGE Publications, 2008, vol. 3, pp. 306–336.
26. Miller C.R. Genre as Social Action. *Quarterly Journal of Speech*, 1984, vol. 70, pp. 151–167.
27. Günthner S., Knoblauch H. Culturally Patterned Speaking Practices: The Analysis of Communicative Genres. *Pragmatics*, 1995, vol. 5, pp. 1–32.
28. Mayes P. Genre as a Locus of Social Structure and Cultural Ideology. Moder C.L., Martinovic-Zic A., eds. *Discourse Across Languages and Cultures*. Amsterdam, John Benjamins Publishing Co., 2004, pp. 177–194.
29. Emer Yu.A. Folklore genre (to the problem of linguistic and cognitive modeling). *Voprosy kognitivnoy lingvistiki*, 2009, no. 2, pp. 107–116.
30. Putilov B.N. *Folklor i narodnaya kultura* [Folklore and folklife culture]. S. Petersburg, Nauka Publ., 1994, 328 p.
31. Propp V.Ya. About the folklore and the folkloristics. *Folklor. Literatura. Istoriya*. Moscow, Labirint Publ., 2002, pp. 172–188.
32. Propp V.Ya. *Morfologiya volshebnoy skazki* [Morphology of fairy tale]. Moscow, Labirint Publ., 2003, 144 p.
33. Tudorovskaya E.A. About the structure of fairy tale. *Russkaya narodnaya proza. Russkiy folklor*. Leningrad, Nauka Publ., 1972, vol. 13, pp. 148–159.
34. Anikin V.P. *Teoriya folklor* [Theory of folklore]. 2nd ed. Moscow, KDU Publ., 2004, 432 p.
35. Zemtsovsky I.I. To the theory of genre in folklore. *Sovetskaya muzyka*, 1983, no. 4, pp. 61–65.
36. Sims M.C., Stephens M. *Living Folklore: An Introduction to the Study of People and their Traditions*. Logan, Utah State University Press, 2005, 296 p.
37. Golovanov I.A. *Konstanty folklorogo soznaniya v ustnoy narodnoy proze Urala (XX–XXI vv.)*. Avtoref. diss. dokt. filol. nauk [Constants of folklore sense in oral folk prose of Ural (XX – XXI centuries)]. Moscow, 2010, 45 p.
38. Birukova O.I. Genre as a basic category of formation of the literary process (on the issue of the story genre formation in the Finno-Ugric literatures of the Volga region in the beginning of the XX century). *Izvestiya Samarskogo nauchnogo Tsentra RAN*, 2009, vol. 11, no. 4-2, pp. 454–458.
39. Plakhova O.A. Features index of category of fabulousness in English folk tale discourse. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya Filologiya. Zhurnalistika*, 2012, vol. 12, no. 2, pp. 40–44.
40. Plakhova O.A. Specificity of final formulae in English folk tale. *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2011, no. 4, pp. 61–66.
41. Plakhova O.A. Individuality of initial formulas of English folk tale. *Filologiya i chelovek*, 2013, no. 1, pp. 95–105.
42. Plakhova O.A. National-cultural conditionality of English folk tale genre specificity. *Vestnik Volzhskogo universiteta im. V.N. Tatishcheva*, 2014, no. 4, pp. 53–62.
43. Chistov K.V. *Narodnye traditsii i folklor* [National traditions and folklore]. Leningrad, Nauka Publ., 1986, 304 p.
44. Appatova V.S. *Atributika personazhey britanskoy narodnoy volshebnoy skazki (semasiologicheskoe issledovanie)*. Avtoref. diss. kand. filol. nauk [Attributes

- of personages of British folk fairy tale (semaseological study)]. Odessa, 1990, 16 p.
45. Kravtsov N.I. *Slavyanskiy folklor* [Slavic folklore]. Moscow, MGU Publ., 1976, 262 p.
46. Barag L.G. State of East Slavic oral fairy traditions and modern folk fairy tale writers. *Traditsii i sovremennost v folklore*. Moscow, Nauka Publ., 1988, pp. 113–135.
47. Fairclough N. *Analysing Discourse*. London, Routledge Taylor and Francis Group, 2003, 270 p.
48. Bergmann J.R., Luckmann T. Reconstructive Genres of Everyday Communication. Quasthoff Uta, ed. *Aspects of Oral Communication*. Berlin, Mouton de Gruyter, 1994, pp. 1–30.

**THE QUESTION OF INTERACTION BETWEEN DISCOURSE AND GENRE
(ON THE BASIS OF THE FOLK TALE DISCOURSE)**

© 2015

O. A. Plakhova, Doctor of Sciences (Philology), Associate Professor,
Professor of Chair “Theory and methods of teaching of foreign languages and cultures”
Togliatti State University, Togliatti (Russia)

Keywords: discourse; folk tale discourse; text; genre; genre universal; genre-forming category of discourse; folklore; folklore genre.

Abstract: In the framework of this paper the nature of the interaction between discourse and genre is explored, similar trends in the development of discourse and genre are identified, and genre as a significant attribute of discourse is characterized.

Modern approaches to the study of discourse are actively used by the Russian linguists to define the boundaries of the folk tale discourse and reveal its constitutive characteristics. Belonging to the sphere of the fictional discourse, the folk tale discourse cannot be fully identified with the fantastic discourse.

The comparative analysis of the concept of genre in the discursive and folklore research reveals a strong correlation between text genre characteristics and genre characteristics of discourse. It also removes the artificial opposition between discourse and folk genres on the basis of *dynamics – statics*. Regarding the English folk tale discourse, the most significant genre-distinctive parameter and constituent of fabulousness becomes the *miracle/miraculous*.

The English folk tale discourse has a field structure. Its core is formed by fairy, nursery, animal and other tales, the periphery is constituted by true stories, legends and traditions. The analysis of the genre, stylistic, semantic and structural features of the folk tale discourse allows formulating the definition of discourse. It is understood as a phenomenon of a higher order containing different genres of text works whose general characteristics are formed by the parameters of the genre-forming category of the discourse uniting them.